

[Nikolaeva, Tolskaya 2001]). Однако дестинатив, как будет показано в работе, обладает рядом необычных свойств, не характерных для падежей. Ранее предположения о том, что дестинатив не похож на другие падежи, высказывались Андреем Львовичем Мальчуковым [Malchukov 2008]. По мнению Андрея Львовича, дестинатив отличается от остальных падежей тем, что выражает функции сразу двух участников ситуации: для одного участника показывает его синтаксическую роль, а для его посессора модифицирует значение актуального обладания в значение потенциального обладания. Таким образом, дестинатив в примере (1) сообщает о том, что синтаксическая роль слова *orjan* ‘олень’ — прямой объект, а *var'a* ‘Варя’ не обладает оленем в настоящий момент, но должна начать им обладать после того, как акт передачи будет завершён.

В работе описываются нехарактерные для падежей особенности дестинатива. В Разделах 2 и 3 обсуждаются различия между парадигмами посессивных показателей для падежей и дестинатива и обязательность посессивного показателя. В Разделе 4 описывается разнообразие синтаксических ролей, которые может занимать существительное с показателем дестинатива. Особенности согласования прилагательных и причастий с существительными в дестинативе описаны в Разделе 5. Наконец, в Разделе 6 предложен альтернативный вариант интерпретации дестинатива.

2. Парадигма посессивных показателей

В эвенском языке посессивность выражается при помощи вершинного маркирования. Показатель посессивности расположен в словоформе после показателя падежа. Парадигма посессивных показателей едина для разных падежных форм существительных ([Цинциус 1947: 138-140]), однако после показателя дестинатива (3) для некоторых лиц появляются специальные посессивные показатели (2), при этом различие этих форм нельзя описать с помощью морфонологических правил эвенского языка. С другой стороны, парадигма посессивных показателей частично схожа с парадигмой личных окончаний целевого конверба (4).

- (2) *min gerbe-wu tamara bataxaeva*
 мой имя-POSS.1SG Тамара Батахаева
 ‘Моё имя — Тамара Батахаева.’ [Pakendorf, Aralova 2009-2013: 126]
- (3) *olla-ŋ-ga-ku kim-ni-n etiken*
 рыба-AL-DST-POSS.1SG готовить-PST-POSS.3SG старик
 ‘Старик приготовил рыбу для меня.’
- (4) *ŋeluki gun-ni-n ewi-d-u.ken-de-ku un-u*
 волк сказать-PST-3SG играть-PROG-CAUS-PURP-1SG вы-ACC
 ‘Волк попросил меня поиграть с вами.’ [Pakendorf, Aralova 2009-2013: 158]

В таблице 1 приводится сравнение показателей. Показатели, совпадающие с теми, что характерны для дестинатива, выделены жирным.

Таблица 1. Посессивные показатели падежей, дестинатива и конверба цели

	падежи	DST	PURP
1SG	-wu	-ku	-ku

2SG	-š	-š	-kaš
3SG	-n	-n	-n
1PL.INC	-wun	-kun	-kun
1PL.EXC	-t	-t	-kun
2PL	-šan	-šan	-kašan
3PL	-tan	-tan	-tan
REFL.SG	-ji	-ji	-ji
REFL.PL	-wur	-wur	-wur

Особые посессивные показатели выделяют дестинатив из ряда падежей, указывая на то, что он, возможно, имеет другое происхождение, нежели остальные падежи. Кроме того, эта черта сближает дестинатив с глагольными формами, что может наводить на мысли о его глагольном происхождении.

3. Обязательность посессивного или посессивно-рефлексивного показателя после показателя дестинатива

В эвенском языке посессивный маркер после показателя падежа опционален и зависит от того, нужно ли нам выразить значение принадлежности или нет. Однако при употреблении дестинатива без маркера посессивности обойтись нельзя [Цинциус 1947: 140]. Если описывать употребление дестинатива с точки зрения системы склонений (простое, лично-притяжательное и возвратно-притяжательное, как в [Malchukov 1995: 9]), то можно сказать, что дестинатив употребляется только в лично-притяжательном и возвратно-притяжательном склонении, в то время как в простом склонении он отсутствует. С одной стороны, эту особенность можно объяснить тем, что дестинатив, как было сказано выше, предположительно влияет на семантику сразу двух участников ситуации, которые оба должны быть выражены в предложении. В таком случае употребление дестинатива без показателя посессивности невозможно из-за его семантики, а не структурных ограничений. С другой стороны, если дестинатив является не падежом, а значением иной грамматической категории, применяемой непосредственно к посессивности, то логично будет предположить, что он не сможет существовать без посессивности. Проблема этого подхода заключается в том, что выражение посессивности на существительном скорее всего является согласованием с посессором, а не маркированием участника как посессора (подробнее о похожих случаях в [Preminger 2014]). В таком случае, рассуждение можно построить так: если у нас появляется посессор, то он отображается на существительном с помощью согласования. В свою очередь, дестинатив может появиться на существительном, если на нём в результате согласования появляется показатель посессивности.

4. Разнообразие выражаемых синтаксических ролей

В тех тунгусо-маньчжурских языках, где есть дестинатив (нанайский, ороцкий и др.), он обычно используется для маркирования двух синтаксических позиций: прямого объекта (5) и адъюнкта со значением «в

качестве» (6). Эвенский дестинатив, помимо прямого объекта и адьюнкта, может в некоторых случаях маркировать ещё и субъект (7).³

- (5) a. *bi aŋa-ni-wu anton urbak-ka-n*
я шить-PST-1SG Антон рубашка-DST-3SG
'Я сшил рубашку Антону.'
- b. *bi aŋa-ni-wu urbak-u anton-du*
я шить-PST-1SG рубашка-ACC Антон-DAT
'Я сшил рубашку Антону.'
- (6) *bi bak-ri-wu anton men ge-ga-ji*
я найти-PST-1SG Антон REFL друг-DST-POSS.REFL.SG
'Я нашёл Антона себе в качестве друга.'
- (7) a. *olla-ŋ-ga-ku xalad'il'nik-dula bi-si-n*
рыба-AL-DST-POSS.1SG холодильник-LOC быть-PST-3SG
'Рыба для меня была в холодильнике.'
- b. *min olla-wu xalad'il'nik-dula bi-si-n*
мой рыба-POSS.1SG холодильник-LOC быть-PST-3SG
'Рыба для меня была в холодильнике.'

Возможность одинакового маркирования субъекта и прямого объекта необычна для языка с аккузативной стратегией кодирования актантов. Использование номинатива и аккузатива отличается только отсутствием значения предназначенности, которое восполняется носителями при помощи посессивности для субъекта (7b) или датива для прямого объекта (5b).

5. Согласование прилагательных и причастий с существительным в дестинативе

Некоторые прилагательные и причастия в эвенском языке, находясь в позиции модификатора вершины, могут согласовываться по падежу с существительным, от которого они зависимы. Однако причастие или прилагательное не может принять маркер дестинатива при согласовании. Вместо него для позиции прямого объекта на согласуемом слове появляется аккузатив (9), для субъекта согласуемое слово остаётся немаркированным, что соответствует форме номинатива (9).

- (8) *əkən bu-ri-n asatkan-du*
мать дать-PST-3SG девушка-DAT
uj-če-w uken'i-ŋ-ga-n
кипеть-PST.PST-ACC молоко-AL-DST-POSS.3SG
'Мать дала девушке кипящее молоко для неё.'
- (9) *n'obati olla-ŋ-ga-ku xalad'il'nik-dula bi-de-n*
белый рыба-AL-DST-POSS.1SG холодильник-LOC быть-NFUT-3SG
'Белая рыба лежит в холодильнике.'

Появление другого падежа на согласуемом слове показывает, что в этом случае можно постулировать согласование по падежу. Это свидетельствует о том, что настоящим падежом в словоформе с дестинативом является не дестинатив, а тот падеж, который появляется при согласовании. Падеж на

³ Не все носители эвенского языка используют и разрешают субъектное употребление дестинатива.

согласуемом слове соответствует тому, который характерен для этой синтаксической позиции.

6. Что такое дестинатив?

Прежде чем подтвердить то, что дестинатив не является настоящим падежом, необходимо понять, почему настоящий падеж не выражается на словоформе. Отсутствие морфологически выраженного падежа может объясняться контекстной вытеснимостью ([Сумбатова 2002] вслед за [Даниэль, Плулунгян 1996]). Контекстная вытеснимость появляется в тех случаях, когда одно и то же значение выражается больше одного раза. По-видимому, в эвенском языке невозможно маркировать дестинативом больше одного участника в разных синтаксических ролях в одном предложении⁴, поэтому, зная ожидаемую аргументную структуру предиката и маркирование остальных участников, можно вычислить синтаксическую роль участника в дестинативе (). Падежное маркирование в этом случае является излишним. Таким образом, дестинатив, по-видимому, является не падежом, а значением некоторой другой грамматической категории.

- (10) *asatkan-ŋa-ku   *ma-ri-n*   *uličan-ŋa-ku*
девушка-DST-POSS.1SG   убить-PST-3SG   лиса-DST-POSS.1SG
'Девушка, предназначенная для меня убила лису для меня.'

Если рассмотреть идею Андрея Львовича Мальчукова [Malchukov 2008] про две функции дестинатива, то можно заметить, что функция, определяющая синтаксическую роль участника с показателем дестинатива, обеспечивается невыраженным падежом. Тогда единственной функцией дестинатива остаётся модификация значения посессивности. Это объясняет, почему дестинатив не может употребляться без посессивности — в таком случае дестинативу будет нечего модифицировать. Значение модификации примерно можно описать как 'потенциальная посессивность', то есть то, чем посессор предположительно будет обладать. Ранее идея с 'будущей посессивностью' выдвигалась Ириной Николаевой относительно предестинатива в тундровом ненецком языке⁵, где морфосинтаксически схожий показатель обладает схожими особенностями, но при этом не находится в отношении дополнительной дистрибуции с остальными падежами и занимает отдельный слот в словоформе [Nikolaeva 2015]. Схожесть посессивных показателей с личными показателями целевого конверба пока не получается объяснить синхронно, однако Андрей Львович [Malchukov 2008] предполагал, что дестинатив мог грамматикализироваться из глагола *gadaj* 'брать', так что для решения этой проблемы скорее всего придётся обратиться к диахронии.

7. Выводы

В этой работе были приведены доказательства того, что при описании эвенского языка не следует безоговорочно относить дестинатив к падежной парадигме, поскольку он обладает рядом свойств, нехарактерных для

---

⁴ Некоторые носители признавали допустимость эвенских стимулов с дестинативами на субъекте и прямом объекте, однако не повторяли вслух примеры за экспедиционером. Некоторые носители поправляли стимул, разбивая одну клаузу на две так, чтобы в одной клаузе в дестинативе был субъект, а в другой — прямой объект.

⁵ Тундровый ненецкий относится к самодийской группе уральской языковой семьи.

остальных падежей. В качестве альтернативы можно предложить классифицировать дестинатив как посессивный модификатор со значением потенциального обладания. В дальнейших исследованиях можно выяснить, приобрёл ли в других тунгусо-маньчжурских языках дестинатив свойства, сближающие его с другими падежами, или же наоборот сохранил отличительные особенности, описанные в этой статье. В первом приближении дестинатив в нанайском, ороцком, орокском, ульчском и удэгейском языках, как и в эвенском, не может употребляться без показателя посессивности. Однако в отличие от эвенского языка в этих языках субъект не может маркироваться дестинативом. Впрочем, это уже совсем другая история.

Библиография

Аврорин 1959 — В. А. Аврорин. *Грамматика нанайского языка*. Том I. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1959.

Аврорин, Болдырев 2001 — В. А. Аврорин *Грамматика ороцкого языка*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.

Даниэль, Плунгян 1996 — М. А. Даниэль, В. А. Плунгян. Обязательность и контекстная вытеснимость (к описанию грамматической периферии) // *Известия РАН. СЛЯ*, 55.1, М.: Наука. С. 61—66, 1996.

Лебедев 1978 — Лебедев В. Д. *Язык эвенов Якутии*. Ленинград, Наука, 1978.

Озолия 2013 — Л. В. Озолия. *Грамматика орокского языка*. Новосибирск: Гео, 2013.

Сумбатова 2002 — Н. Р. Сумбатова. Еще раз про обязательность. // *Лингвистический беспредел. К 70-летию А. И. Кузнецовой* (под ред. А.Е. Кибрика). М.: МГУ. С. 289—304, 2002.

Суник 1985 — О. П. Суник. *Ульчский язык : Исслед. и материалы*. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985.

Цинциус 1947 — В. И. Цинциус. *Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка*. Ленинград: Ленингр. отд-ние Учпедгиза, 1947.

Benzing 1955 — Benzing, Johannes. *Lamutische Grammatik mit bibliographie, sprachproben und glossar*. — Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1955.

Malchukov 1995 — Malchukov, Andrej L. Even. Languages of the world: *Materials*; 12. Newcastle, LINCUM EUROPE, 1995.

Malchukov 2008 — Malchukov, Andrej L. Function-form mismatches: the designative case in Tungusic // Ed. Malchukov, Andrej L., Spencer, Andrew. — *The Oxford Handbook of Case*. New York: Oxford University Press. 644-646, 2008.

Nikolaeva, Tolskaya 2001 — Nikolaeva, Irina., Tolskaya, Maria. *A Grammar of Udihe*. Berlin: Mouton De Gruyter, 2001.

Nikolaeva 2015 — Nikolaeva, Irina. On the expression of TAM on nouns: Evidence from Tundra Nenets // *Lingua 166*. London, Elsevier, 99-126.

Pakendorf, Aralova 2009-2013 — B. Pakendorf, N. Aralova. DOBES archive.
Even. Bystraja district. Conversations // URL:
https://archive.mpi.nl/islandora/object/tla%3A1839_00_0000_0000_000F_2E5D_3. 2009-2013.

Preminger 2014 — Preminger O. Agreement and its failures. – MIT press, 2014. –
T. 68.